

П. В. Еремеев

**ИССЛЕДОВАНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ
СТАРООБРЯДЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Резюме: В статье рассматриваются интерпретации статистических данных о численности старообрядческого населения Российской империи исследователями второй половины XIX – начала XX вв. Делается вывод о том, что различные оценки количества старообрядцев объясняются, прежде всего, воздействием общественно-политических и социокультурных процессов, которые происходили в Российской империи в данное время.

Ключевые слова: старообрядчество, статистика, конфессиональная структура населения, Российская империя.

Єремєєв П. В. Дослідження чисельності старообрядницького населення російської імперії у другій половині XIX – на початку XX ст.

Резюме: У статті розглядаються інтерпретації статистичних даних щодо чисельності старообрядницького населення Російської імперії дослідниками другої половини XIX – початку XX ст. Робиться висновок, що різні оцінки кількості старообрядців пояснюються, перш за все, впливом суспільно-політичних та соціокультурних процесів, котрі відбувалися у Російській імперії в цей час.

Ключові слова: старообрядництво, статистика, конфесійна структура населення, Російська імперія.

Yeremieiev P.V. The studies of the quantity of the Old Believed population of Russian empire in the second half of the 19th - early 20th centuries

Summary: The paper deals with the interpretations statistical data on the number of Old Believers of Russian empire by the scholars of the second half of the 19th - early 20th centuries. It is concluded that different estimates of the quantity of the Old Believed population were created, first of all, as a result of influence of socio-political and socio-cultural processes in Russian empire at that time.

Keywords: Old Belief, statistics, confessional structure of population, Russian empire.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Российской империи обсуждение проблем религиозного диссидентства находилось на острие общественных дискуссий [подробнее об этих дискуссиях см.: 5; 32, 34]. В том числе в центре внимания был и вопрос о численности старообрядческого населения Российской империи. Исследователи поставили под сомнение достоверность данных исповедного и административно-полицейского учёта старообрядцев, стали предпринимать попытки выяснить реальный масштаб распространения «старой веры» в России. При этом различные интерпретации статистических данных о численности старообрядческого населения использовались для обоснования тех или иных мнений о состоянии российского общества и возможных путях дальнейшего развития страны.

Одновременно, противоречивость данных статистики о старообрядческом населении Российской империи, создавала серьёзную методологическую проблему, решение которой подчинялось собственной внутринаучной логике. Исследователями были поставлены вопросы, которые до сих пор волнуют научное сообщество: в какой мере статистические материалы XIX – начала XX вв. отражали реальную картину распространения старообрядчества в России? По каким критериям определять принадлежность того или иного человека к старообрядчеству?

В данной статье предпринята попытка выяснить каким образом внутренняя логика и направленность последовательной смены научных идей и методов, происходящие в обществе социокультурные процессы, общественная и религиозная ангажированность авторов влияли на изучение численности старообрядческого населения Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., как взаимодействовали указанные факторы. До сих пор в историографии данный вопрос специально не рассматривался.

В Российской империи в XIX в. статистический учёт старообрядцев вёлся как церковью, так и светскими органами власти. Приходские священники составляли так называемые исповедные росписи, в которых, среди прочего, была специальная графа для учёта лиц, уклоняющихся от исповеди и причастия «по наклонности к расколу» [21]. Параллельно вёлся административно-полицейский учёт староверов [20, с. 392]. Проблема достоверности данных официального учёта старообрядцев впервые была поставлена на государственном уровне в середине XIX в. Министр внутренних дел Л. А. Перовский считал изучение религиозного диссидентства необходимым условием успешного администрирования и контроля [4, с. 7–12]. В 1846 г. главным редактором «Журнала Министерства внутренних дел» Н. И. Надеждиным и председателем комиссии по делам раскольников и скопцов И. П. Липранди была разработана программа исследования раскола. Планировалось составить описание всех существующих в государстве направлений религиозного инакомыслия, которое должно было включать историческую, догматическую, статистическую и юридическую части. В программе указывалось, что источники о численности старообрядческого населения России отличаются крайней недостоверностью и предлагалось произвести секретные исследования в местах проживания раскольников [24, с. 118–138]. Эта программа, как справедливо отмечает Е. А. Архипова, основывалась на господствующем в науке того времени убеждении, что собрав

и критически обработав все существующие данные, возможно получить полное и объективное знание [4, с. 8–11].

В 1850 г. Л. А. Перовский предоставил императору особую записку о расколе, в которой акцентировал внимание на несоответствии данных исповедного и административно-полицейского учёта реальной картине распространения старообрядчества в России. В частности, Л. А. Перовский указывал, что в начале правления Николая I в России официально было зарегистрировано 827 тысяч старообрядцев. Затем, по официальным данным, в течение 25 лет в православие и единоверие перешло более миллиона староверов. Однако, по сведениям МВД, в 1851 г. их было около 750 тысяч [20, с. 397]. Прочитав эту записку, император поручил Л. А. Перовскому негласно собрать более точные сведения о численности раскольников, первоначально в отдельных губерниях. С этой целью в 1852 г. были осуществлены специальные статистические экспедиции в Костромскую, Нижегородскую и Ярославскую губернии [11]. В результате работы экспедиций было установлено, что в официальных отчетах реальная численность старообрядцев Костромской губернии была приуменьшена в пять раз, Нижегородской – в восемь с половиной, а Ярославской – в тридцать семь раз [20, с. 400].

В 1853 г., при министре внутренних дел Д. Г. Бибикове, было запланировано комплексное изучение религиозного диссидентства ещё в 35 губерниях (распространение, количественные характеристики, социально-экономическое и нравственное состояние) [27, с. 55–58]. В девяти губерниях исследования проводились специально назначенными чиновниками МВД, в остальных – местными генерал-губернаторами и губернаторами. Параллельно аналогичная работа проводилась епархиальными архиереями. В целом, в ходе этих исследований были подтверждены выводы экспедиций 1852 г. о том, что содержащиеся в материалах исповедного и административно-полицейского учёта сведения о численности старообрядцев многократно приуменьшены [20, с. 404–405].

Таким образом, в середине XIX в. в распоряжении исследователей оказались три группы источников, содержащих сведения о численности старообрядческого населения России: материалы исповедного, полицейско-административного учёта староверов и данные министерских исследований 1850-х годов.

В обобщающих работах по историографии старообрядчества традиционным стало разделение проведенных во второй половине XIX – начале XX вв. исследований староверия на ведомственные, миссионерские, демократические и старообрядческие [см.: 4, 14, 15, 23, 26]. В основе данной классификации – различия в общественно-политических и религиозных взглядах авторов, оказывавшие существенное влияние на содержание их концепций. Рассмотрим каждое из этих направлений исследований.

Первые попытки проанализировать общую численность старообрядцев России были предприняты представителями так называемой ведомственной историографии, чиновниками, которые по долгу службы занимались проблемами религиозного дисидентства в России. Это неудивительно, ведь в период правления Николая I статистические сведения о старообрядцах были засекречены, и только уполномоченные чиновники Министерства внутренних дел имели доступ к необходимым материалам. Результаты их работы изначально предназначались лишь для служебного пользования. Так, в 1853 г. И. П. Липранди составил «Краткое обозрение истории существующих в России расколов, ересей и сект». Исследователь, опираясь на результаты, полученные в ходе Ярославской, Костромской и Нижегородской статистических экспедиций 1852 г., пришёл к выводу, что в среднем по России данные административно-полицейского учёта старообрядцев приуменьшают их численность примерно в десять раз [17, с. 146–147]. Ту же точку зрения отстаивал чиновник по особым поручениям Министерства внутренних дел, известный исследователь старообрядчества П. И. Мельников в «Записке о русском расколе» (1857 г.), написанной по поручению министра внутренних дел С. С. Ланского для великого князя Константина Николаевича [19, с. 183–184].

В 1860–1862 гг. в Лондоне близким А. И. Герцену политическим эмигрантом В. И. Кельсиевым был опубликован четырёхтомный «Сборник правительственных сведений о раскольниках». В него, среди прочего, вошли засекреченные в Российской империи материалы государственных отчётов и исследований численности старообрядцев [см.: 11, 17, 19]. Однако и в самой России в период либерализации общественной жизни история и современное авторам состояние старообрядчества стали предметом широкой полемики в публицистической литературе и периодической печати [5, с. 3], поэтому сборник В. И. Кельсиева стал известным и популярным [20, с. 402]. Итак, ранее засекреченные работы И. П. Липранди и П. И. Мельникова стали достоянием широкой публики.

Одновременно проблема численности старообрядцев Российской империи стала подниматься в изданиях Министерства внутренних дел [8, с. 158–180; 31, с. 208–212]. Таким образом, тезис о многократном приуменьшении численности старообрядцев в материалах административно-полицейского и исповедного учёта стал частью официального дискурса. В 1868 г. в России была издана статья П. И. Мельникова «Счисление раскольников». П. И. Мельников, развивая высказанные ранее взгляды, утверждал, что в среднем по Российской империи административно-полицейские и исповедные данные о численности старообрядцев приуменьшают их реальное количество в десять-одиннадцать раз. Автор объяснил это тем, что в условиях государственного давления старообрядцы вынуждены были скрывать свою веру. Кроме того, светские чиновники и священнослужители сознательно занижали данные о численности религиозных диссидентов на вверенных им территориях с целью выслужиться перед начальством. Поскольку в 1852 г. в России официально было зарегистрировано 910 тыс. раскольников, П. И. Мельников определял их реальную численность в 9–10 млн. человек [20, с. 400].

Итак, в ведомственных исследованиях утвердился вывод о многомиллионных массах староверов, проживающих в

Российской империи. Однако, и методики сбора данных статистическими экспедициями 1850-х гг. (на которые опирались представители ведомственной историографии), и интерпретация их результатов И. П. Липранди, П. И. Мельниковым, А. Б. фон Бушеном, содержали ряд серьёзнейших ошибок. Причём эти ошибки были вполне очевидны уже в то время [10; 25]. Можно предположить, что некритичное использование в ведомственных исследованиях преувеличенных данных о численности староверов центральных губерний и их экстраполяция на всю империю были реакцией на сокрытие масштабов распространения раскола в первой половине XIX в. Как отмечает И. П. Пярт, попытки скрыть существование религиозного раскола во второй половине XIX в. сменились стремлением правительства сделать его видимым. Статистика обеспечивала чувство безопасности: возможность измерить масштабы распространения раскола создавала ощущение, что им можно управлять [37, р. 96].

Следует также учитывать, что вывод о десятикратном приуменьшении численности старообрядцев в данных административно-полицейского и исповедного учёта появился в работах людей, для которых изучение религиозного диссидентства было не только сферой их служебных обязанностей, но и личных интересов. Возможно, сыграла роль определённая аберрация, при которой исследуемый объект начинает казаться более значимым и масштабным. Наконец, преувеличенные данные о численности старообрядцев были важным аргументом в пользу тезиса о политической неблагонадёжности и опасности старообрядчества. Так, И. П. Липранди, говоря о десятимилионном старообрядческом населении России, отмечает, что «такая масса, наэлектризованная фанатизмом своих безрассудных убеждений, легко может быть увлечена беспорядками» [17, с. 147].

Вывод о многомиллионной массе тайных старообрядцев был подхвачен и так называемой «демократической историографией». Для русских либералов и народников тезис

об огромной численности раскольников был доказательством внутреннего неприятия народом существующих в Российской империи порядков. Одновременно, неточность официальной статистики старообрядчества была ещё одним аргументом в пользу свободы вероисповедания в России. В 1853 г. участником Ярославской статистической экспедиции, впоследствии известным идеологом славянофильства И. С. Аксаковым была написана «Краткая записка о странниках или бегунах» (впервые опубликована в 1866 г.). В ней указывалось, что в Ярославской губернии «православных только четвёртая часть народонаселения, несмотря на то, что по официальным документам раскольников считается только 12 тысяч» [3, с. 642]. При этом, по мнению И. С. Аксакова, широкое распространение раскола объяснялось народным неприятием тех порядков и жизненного уклада, которые были заведены в России при Петре I.

Либеральный народник Я. В. Абрамов посвятил специальную статью статистическим экспедициям 1850-х гг., в которой их задачи и методы были подвергнуты резкой критике. По мнению автора, руководители экспедиций «не отличали исследования от разыскания, а последнее смешивали со следствием», стараясь при этом «собрать побольше сведений, очерняющих раскольников и тем заставить начальство принять против них строгие меры» [1, с. 128]. Но выводы чиновников о численности старообрядцев Российской империи, основанные на результатах экспедиций, Я. В. Абрамов безусловно принимает, доказывая с их помощью неэффективность карательных мер в отношении религиозного диссидентства и необходимость свободы вероисповедания в Российской империи [2, с. 167–168].

Проблеме определения численности старообрядцев и сектантов посвятил часть исследования и народник И. И. Юзов (Каблиц) [35, с. 35–46]. Он отмечал, что экспедиции скорее приуменьшали, нежели преувеличивали численность старообрядцев. В качестве доказательства он привёл такой пример. Руководитель Ярославской экспедиции И. С. Сеницын

оценил численность старообрядцев губернии в 278 417 человек, а член той же экспедиции И. С. Аксаков назвал цифру 672 687 человек. Правда, И. И. Юзов не предложил никаких обоснований большей правоты И. С. Аксакова по сравнению с И. С. Синицыным. Пытаясь определить численность староверов России, И. И. Юзов исходил из расчетов численности старообрядцев, предпринятых в середине XIX в. чиновниками П. И. Мельниковым и А. Б. фон Бушеном и экстраполировал их на конец 1870-х гг. с учётом естественного прироста населения и произвольно определённого масштаба перехода православных в старообрядчество. Таким образом, И. И. Юзов пришёл к выводу, что к 1878 г. в Российской империи насчитывалось около 13–14 млн. религиозных диссидентов, из которых 11 млн. – собственно старообрядцев [35, с. 46].

Революционер-народник А. С. Пругавин в статье «Два или же двадцать миллионов?» критиковал результаты переписи 1897 г., в соответствии с которыми в России было зарегистрировано 2 137 738 «старообрядцев и уклонившихся от православия». При этом, ссылаясь на И. И. Юзова, А. С. Пругавин писал, что «гораздо ближе к истине стояли частные исследователи раскола, которые... определяли цифру старообрядцев и сектантов в 13–14 миллионов» [19, с. 11]. Экстраполируя эти данные на конец XIX в., А. С. Пругавин в качестве вероятной численности старообрядцев и сектантов указывал 20 миллионов (при этом, А. С. Пругавин не пытался определить соотношение численности старообрядцев и сектантов). Другой народник, Ю. А. Бунин, также считал, что перепись 1897 г. не смогла сколько-нибудь удовлетворительно определить численность старообрядцев Российской империи, из чего делал вывод, что «давно уже должна была бы наступить пора иной политики, – политики, основанной на веротерпимости» [7, с. 139–157]. Известный исследователь старообрядчества и сектантства, большевик и один из ближайших соратников В. И. Ленина В. Д. Бонч-Бруевич в докладе «Раскол и сектантство в России», подготовленном для второго съезда

РСДРП, высказывал мнение, что расчёты А. С. Пругавина приуменьшены. По мнению В. Д. Бонч-Бруевича в начале XX в. в России только старообрядцев насчитывалось более 20 млн., а численность сектантов превышала шесть миллионов [6, с. 175]. При этом В. Д. Бонч-Бруевич всерьёз рассматривал возможность привлечения религиозных диссидентов к революционной деятельности, считая, что массы старообрядцев и сектантов смогут оказать существенную помощь в борьбе с самодержавием.

В 1913 г. была издана брошюра известного старообрядческого публициста И. А. Кириллова «Статистика старообрядчества», в которой автор солидаризировался с мнением о десятикратном приуменьшении численности старообрядцев в материалах государственного учёта [12, с. 24]. Взгляды И. А. Кириллова на проблемы численности старообрядцев отражают, с одной стороны, интеллектуальную моду того времени, а другой – его конфессиональные симпатии. Не удивительно, что при доминировании в общественной мысли начала XX в. тезиса о многомиллионных массах старообрядцев, представитель данного конфессионального сообщества принял подобную концепцию.

Ставший уже популярным вывод о многомиллионных массах старообрядцев России был подвергнут критике в миссионерских трудах, увидевших свет во второй половине XIX – начале XX вв. Миссионер и профессор Казанской духовной академии Н. И. Ивановский, его ученик М. Н. Васильевский, игумен Павел (Леднев; известный в научной литературе под прозвищем «Прусский»), архиепископ Костромской Платон (Фивейский) признавая, что административно-полицейские и исповедные данные о численности староверов приуменьшены, одновременно резко критиковали тезис о десятиmillionной численности старообрядцев России [см.: 6, с. 45; 7; 20; 22, с. 308–309]. Они указывали на некорректность экстраполяции на всю империю сведений о масштабном приуменьшении численности старообрядцев, полученных в центральных

российских губерниях. Кроме того, отмечалось, что собранные в ходе статистических экспедиций 1850-х гг. данные о численности старообрядцев, на которые опирались авторы ведомственных исследований, также не заслуживают доверия. Например, игумен Павел (Леднев) резко критиковал позицию П. И. Мельникова, который относил к старообрядцам всех лиц, не бывших на исповеди. Игумен Павел отмечал наличие во многих местностях России убеждения, что молодому человеку следует воздерживаться от причастия, поскольку в молодом возрасте трудно достойно подготовиться к таинству евхаристии. Кроме того, многие крестьяне не причащались в своих приходах в связи с отлучками на работы и промыслы [20, с. 207]. Игумен Павел (Леднев) считал несостоятельной и методику подсчёта численности старообрядцев, применённую руководителем Ярославской экспедиции И. С. Сеницыным, который признаком принадлежности к расколу считал любые проявления «народного православия», включая восьмиконечный крест, домашнее использование лестовок, подручников, ручных кадилниц и т.п. [20, с. 204].

Современные исследователи считают, что высказанная в трудах миссионеров критика вывода о более чем десяти миллионах старообрядцев России является достаточно аргументированной и не утратила научного значения до сих пор [16, с. 26–27; 18, с. 61–62]. Однако её происхождение именно из миссионерской среды вряд ли было случайностью. Во-первых, представляя старообрядчество как явление, охватывающее относительно незначительную часть населения Российской империи, миссионеры демонстрировали эффективность своей деятельности [13, с. 330; 28, с. 28]. Во-вторых, если народники, указывая на многочисленность старообрядцев, доказывали неэффективность административных преследований религиозных диссидентов и обосновывали необходимость введения в России свободы вероисповедания, такие деятели Русской Православной Церкви, как архиеп. Платон (Фивейский), И. Е. Преображенский следовали обратной логике. Критикуя

преувеличенные представления о численности старообрядцев, они доказывали, что существовавшие в России «внешние меры к ограничению раскольнической пропаганды... служат к ослаблению раскола» [28, с. 25]. Это использовалось в качестве аргумента против дарования раскольникам излишних, как считали многие миссионеры, прав [22, с. 308–309; 28, с. 23].

Таким образом, можно согласиться с мнением современного исследователя А. Эткинда, что Русская Православная Церковь была заинтересовано в том, чтобы представить старообрядчество как явление, охватывающее незначительную долю населения России [34, с. 39]. Это стремление ярко проявилось в ходе проведения Первой всероссийской переписи населения 1897 г. Известны случаи, когда регистраторы (часто – священники) сознательно приуменьшали численность старообрядцев во время переписи с целью показать старообрядчество как ряд разрозненных маргинальных сект [36, р. 170]. Возможно, подобная мотивация играла роль и в ходе полемики миссионеров со сторонниками мнения о более чем десятиmillionном старообрядческом населении России. При этом, несмотря на достаточно убедительное обоснование, позиция миссионеров по данному вопросу не получила широкого распространения. А. Эткинд пришёл к заключению, что в общественной жизни и публицистике продолжали доминировать преувеличенные представления о численности религиозных диссидентов [34, с. 34–37]. Характерно, что если миссионеры в своих исследованиях численности старообрядцев и сектантов полемизировали со сторонниками утверждения о многомиллионных массах раскольников, либералы, народники и старообрядцы не упоминали о наличии другой точки зрения.

Таким образом, различные интерпретации данных о численности старообрядческого населения Российской империи в исследованиях второй половины XIX – начала XX вв. в значительной мере формировались под воздействием общественно-политических и социокультурных процессов. Выводы о численности старообрядцев вписывались в концепции

представителей различных направлений общественной мысли этого времени.

1. *Абрамов Я. В.* Статистические экспедиции 50-х годов (эпизод из истории раскола) / Я. В. Абрамов // Дело. – 1883. – № 9.
2. *Абрамов Я. В.* К вопросу о веротерпимости / Я. В. Абрамов // Отечественные записки. – 1882. – № 1-2.
3. *Аксаков И. С.* Краткая записка о странниках или бегунах / И. С. Аксаков // Русский архив. – 1866. – № 4.
4. *Архипова Е. А.* Экономический социум старообрядцев в дискурсах второй половины XIX – начала XX в. / Е. А. Архипова // Проблемы российской историографии середины XIX – начала XXI в.: сб. тр. молодых ученых. – М.; СПб., 2012.
5. *Асипова Н. В.* Церковный раскол в общественном мнении России (конец 1850-х – 1860-е гг.) : автореф. дис.... канд. ист. наук / Н. В. Асипова. – М., 2009.
6. *Бонч-Бруевич В. Д.* Раскол и сектанство в России (доклад второму очередному съезду РСДРП) / В. Д. Бонч-Бруевич // Избранные сочинения. – М., 1959. – Т. 1. О религии, религиозном сектанстве и церкви.
7. *Бунин Ю. А.* Распределение населения России по вероисповеданиям / Ю. А. Бунин // Русская мысль. – 1903. – Кн. 7.
8. *Варадинов Н. В.* История Министерства Внутренних Дел. В 8 кн. Кн. 8. История распоряжений о расколе / Н. В. Варадинов. – СПб., 1863.
9. *Васильевский М. Н.* Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I / М. Н. Васильевский. – Казань, 1914.
10. *Ивановский Н. И.* О численности раскольников / Н. И. Ивановский // Православный собеседник. – 1867. – Ч. 1.
11. Из секретных записок экспедиций 1852 года // Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. Кельсиев. – Лондон, 1861. – Вып. 2.
12. *Кириллов И. А.* Статистика старообрядчества / И. А. Кириллов. – М., 1913.

13. *Константин (Попов), свящ.* Миссионерство, секты и раскол (хроника) / Константин (Попов) // Миссионерское обозрение. – 1898. – № 2.
14. *Костров А. В.* Развитие концепции старообрядчества в официально-церковном и старообрядческом направлениях отечественной историографии во второй половине XIX – начала XX вв. : автореф. дис... канд. ист. наук / А. В. Костров. – Иркутск, 2004.
15. *Кузоро К. А.* Церковная историография старообрядчества: возникновение и эволюция (вторая половина XVII – начало XX вв.) : автореф. дис... канд. ист. наук / К. А. Кузоро. – Томск, 2009;
16. *Латыпов И. Р.* Численность старообрядчества Казанской губернии в XIX – начале XX вв. / И. Р. Латыпов // Известия Саратовского университета. Сер. : История. Международные отношения. – 2011. Т. 11. – Вып. 1.
17. *Липранди И. П.* Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект, как в религиозном, так и в политическом их значении / И. П. Липранди // Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. Кельсиевы. – Лондон, 1861. – Вып. 2.
18. *Макаров И. Ю.* Статистика старообрядчества и сектантства в Российской империи в XIX в. / И. Ю. Макаров // Старообрядчество: История, традиции, современность : тезисы. – М., 1996.
19. *Мельников П. И.* Записка о русском расколе / П. И. Мельников // Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. Кельсиевы. – Лондон, 1860. – Вып. 1.
20. *Мельников П. И.* Счисление раскольников / П. И. Мельников // Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). – 2-е изд. – СПб., 1909. – Т. 7.
21. *Миронов Б. Н.* Исповедный и метрический учет в имперской России [Электронный ресурс] / Б. Н. Миронов. – Режим доступа : <http://bmiroнов.spb.ru/sochist.php?mm=2&lm=1&lc=art10>.
22. Мнение покойного Платона, архиепископа Костромского, о предложениях Комиссии для всестороннего обсуждения и разработки Высочайше утверждённых 16 августа 1884 года предначертаний Особого временного комитета по делам о раскольниках // Странник. – 1894. Февраль.

23. *Молзинский В. В.* Очерки русской дореволюционной историографии старообрядчества / В. В. Молзинский. – СПб., 2001.
24. *Надеждин Н. И.* План «Полного собрания сведений относящихся к расколам и раскольникам» / Н. И. Надеждин // Братское слово. – 1876. – Кн. 1.
25. *Павел (Леднев), игумен.* О числе раскольников в Российской империи / Павел (Леднев) // Братское слово. – 1876. – Кн. 3.
26. *Покровский Н. Н.* Пути изучения истории старообрядчества российскими исследователями / Н. Н. Покровский // Археографический ежегодник за 1998 г. – М. 1999.
27. Предписание министра внутренних дел генерал-адъютанта Бибикова статскому советнику Синицыну // Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. Кельсиевы. – Лондон, 1862. – Вып. 4.
28. *Преображенский И. Е.* Отечественная церковь по статистическим данным всеподданнейших отчетов с 1840–41 по 1890–91 годы / И. Е. Преображенский. – СПб., 1895.
29. *Пругавин А. С.* Два или же двадцать миллионов? / А. С. Пругавин // Старообрядчество во второй половине XIX в. : Очерки из новейшей истории раскола. – М., 1904.
30. *Пушкарев С. Г.* Историография старообрядчества / С. Г. Пушкарев // Журнал Московской Патриархии. – 1998. – № 5-7.
31. Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению МВД Центральным статистическим комитетом / ред. А. Б. фон Бушен. Вып. II. Наличное население империи за 1858 г. – СПб., 1863.
32. *Сухомлинов Н. Н.* Старообрядческий миф в русской культуре «серебряного века» / Н. Н. Сухомлинов // Старообрядничество Украины та Росії: минуле та сучасне. – К, 2004.
33. *Шахов М. О.* К проблеме содержания понятия «старообрядчество» [Электронный ресурс] / М. О. Шахов. – Режим доступа : <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/146-1-0-1032>.
34. *Эткинд А.* Хлыст (Секты, литература и революция) / А. Эткинд. – М., 1998.

35. Юзов И. И. Русские диссиденты: староверы и духовные христиане / И. И. Юзов. – СПб., 1881.
36. Darrow D. Census as a technology of empire / D. Darrow // *Ab Imperio*. – 2002. – № 4.
37. Paert I. “Two or twenty million?” The languages of official statistics and religious dissent in imperial Russia / I. Paert // *Ab Imperio*. – 2006. – № 3.